Жена сказала: «Напьешься еще раз – можешь не возвращаться». Пить он никогда не умел, но старательно учился. Ежедневные тренировки особого результата не приносили, зато уверенно вели к разводу.

Стоял на лестничной площадке. Синий от алкоголя, красный от спелых ударов. Весь помятый и кривой, с порванным воротником, ободранным подбородком. Кажется, в драке вытащили кошелек и… ключи.

Приблизился к двери. Прислушался. Тишина убедила подождать.

С верхнего этажа, словно с небес на грешную землю, спустился сосед, вытащил из кармана фанфурик.

– Бушь?

Кивнул и выпил. Быстро и горячо. Зачем-то смял стаканчик, на что сосед выдал невнятное возмущение. Виновато дунул, вернув пластику форму, и не заметил, как опрокинул еще, а потом еще и еще, много раз по пятьдесят.

– Не очкуй. Меня сто раз выгоняли. Скажи, что любишь. Жить не можешь. Хочешь, вместе зайдем?

Отказался, и сосед разочарованно ответил:

– Как хошь.

Наступил второй приход. Пить пьяным – все равно что изображать любовь, когда разлюбил. Зачем вообще женился. Кутил бы, как раньше, и не думал, что дома – ждут. Умерла единственная лампочка в подъезде. Пошатнулся, нашел стенку. Все нормально – живой.

Он беспричинно пил все лето. Начальник, смирившийся с его ежедневным похмельем, как-то понимающе объяснил, что причина есть всегда.

– Работа, жена, квартира. Чего тебе не хватает? Молодой, вся жизнь впереди.

Пообещал, что обязательно завяжет.

Жена уже не верила обещаниям. Сначала обещал, что сделает ее самой счастливой, потом говорил, что все наладится, теперь что выберутся, выберется, уберется.

Поднес кулак и вроде бы решил постучаться. Раз-два-три. Поймет? Не поймет! Не победить, не оправдаться.

Обидно заныла рука, в затылке сжалось. Все прошло и наступило снова. Круговорот дерьма в природе.

Нырнул в карман, обнаружил немного денег: хватило бы на цветы или конфеты. Но прощение не купишь, и он тихонечко постучался.

Щелкнул замок. Понял, что можно зайти. Ни крика, ни сцен.

В кухне гудел холодильник, звенела вода. Жена мыла посуду, ссутулившись и согнувшись.

– Давай помогу?

Нырнул в карман, обнаружил немного денег: хватило бы на цветы или конфеты. Но прощение не купишь, и он тихонечко постучался.

Она выпрямилась, будто хотела сказать что-то, но ничего не сказала.

– Прости меня. Я смогу. Ты только верь, пожалуйста.

– Да ладно, – ответила, – привыкла. За столько-то лет.

Он был совсем рядом, когда повернулась. На чужом лице с рябой морщинистой кожей разглядел ее вечную родинку. А глаза не узнал. Ни запаха, ни тела, ни себя рядом с ней. Совсем старая и совсем нелюбимая. Обняла его, даже не обняла, а только прикоснулась до плеч и холодно поцеловала в шею.

Хотелось выпить, вернуть молодость, а больше ничего не хотелось.